

ЛАДА МИЛЛЕР

ЭТО ВСЁ ЕЩЁ РИМ

О НАЧАЛЕ

Оставшись, я уже не убегу.
Мы будем жить с тобой на берегу,
Делить еду и лёгкую работу,
Перебирать задумчиво песок,
Рожать детей, креститься на восток
И соблюдать, как водится, субботу.

В кувшине глина. В облаке вода.
Рука в руке... Прощать и обладать,
Чтоб не терять необходимый трепет,
Не в этом ли святая благодать?
(Когда в саду распустится беда,
Заголосим, но губы не разлепим).

Я не о том, любимый, не о том
(Уносит море тело, память, дом,
Знакомые до обморока лица)
Я о начале. Всё-таки уйду.
Остаться, это значит на беду,
Как и на счастье, взять и согласиться.

АВГУСТ НА ДВОИХ

Следы оцупают тропу,
В сухой траве завянет солнце,
Укроет бережно лопух
Ежа, рискуя уколоться.

И вдруг покажется – покой...
Такой, что господи и тише,
Что ты со мной, со мной, со мной,
Ну разве что за хлебом вышел.

Настанет вечер наг и тих,
И мы – испуганные дети –
Разделим август на двоих.
А впрочем, август будет – третьим.

ЭТО АВГУСТ И ВЕРБЕНА

Дождь расстёгивает небо, сыплет радость из ведра –
 Это август и вербена, и любовная хандра,
 Это голос, это тело, это нега и покой.
 Это всё – чего хотела.
 Не спеши. Побудь со мной.

Век ли, день ли? – всё едино, потому что повезло,
 Зря ли наша пуповина перехвачена узлом,
 Зря ли сумрачным и алым – изо всех заветных сил –
 Я тебя нарисовала.
 Ты меня одушевил.

Жизнь от края и до края – боль без шуток и прикрас –
 Дождь отплатит, отыграет, отыграется на нас.
 Август короток и сладок. Раз – и выпустил из рук...
 Радость скроена из радуг.
 Вдохновенье – из разлук.

СУББОТА. ХЛОПОТЫ

Суббота. Хлопоты. Поёт
 Крыльцо простуженно и грустно.
 Заиндевевшее бельё
 Хрустит, как свежая капуста.

Цветёт за окнами батист
 Струится шёлк, сияет хлопок.
 Вплетает ветер тонкий свист
 В шуршанье ёлочных иголок.

Огонь бормочет о своём –
 Печальном, нежном, дивном, дальнем.
 Снег пахнет небом. Ночь – углём.
 Ты – морем, августом, желаньем.

ТИХИЕ РАДОСТИ

Тихие радости наши – лишь отголоски дождей.
 Солнце из глиняной чаши льётся быстрее и вольней,
 Синее дно раскалилось, поберегись, пригубив.
 Где тебя, лето, носило? Я ли тебя не любил?
 Я ли тебя? Покажись-ка... плавится воздуха медь,
 Счастье так ярко и близко, что невозможно терпеть –
 Блещут в стремительной речке, словно монеты, лещи,
 Неугомонный кузнечик о повседневном трещит,
 Ягоды падают сами солнечной каплей с куста –
 Миска с облупленным краем наполовину пуста.

Счастье рождается трудно, чтобы рассыпаться в прах.
Есть только эти секунды – осы на нежных цветах –
Высосут, выжгут, задразнят...
Вздоргнешь и снова начнёшь
Ждать ослепительный праздник
Сквозь нескончаемый дождь.

СЕЗАНН

В размытых красках толка нет –
Сплошное крошево эмоций.
Весенний бред, неясный свет,
Но так пульсирует и бьётся,
Что подпеваешь. Вторь не вторь –
Теперь и ты заложник смуты,
А нерешительность и хворь
Испиты и сиюминутны.

Размякнешь от случайных слов,
И что-то ёкнет в сердцевине –
Так зарождается любовь
К непредсказуемости линий.

И вот – разруха и обман –
Весны разграбленная Троя.
А в облаках – Сезанн... Сезанн –
И обещание покоя.

СИДЕЛИ С БЛОКОМ

Сидели с Блоком, слушали чижа.
Кленовый дом смеялся и дрожал,
Слезились лужи облачным и синим,
Блок состоял из чёрно-белых линий,
Из бьющих в темя образов и слов,
В которых всё непрочно и любовь.

Твердила жизнь – теперь не до чижа –
С рожденья – плакать, с юности – рожать,
Потом – неважно. Жизнь толкала в спину,
Блок прятался в глухую сердцевину,
Туда, где под скорлупками души
Веселый чиж командовал – дыши!

Что оставалось? Слушаться и петь.
Чиж отворял межрёберную клеть,
Поглядывал нескучно и нестрого,
Выдумывал про маленького Бога,
В котором всё – добро и горячо.
Клал голову на детское плечо.

Окно текло, о небо бился лёд,
 Дождь замерзал в водопроводных жилах,
 Чижд убеждал, что выживем. Что живы.
 А тот, кто умер, больше не умрёт.

Вдруг захотелось выкормить, прижать,
 Рвануть окно, насыпать в небо крошек,
 Задуматься о тёплом и хорошем,
 Вернуться к Блоку. Выслушать чижа.

ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Смотришь в слепое окно, понимаешь – влип
 В этот осенний сплин, в перехлёсты лип,
 В то, что несётся по небу от и до,
 И западаешь клавишей – нотой до.

До нашей эры деревья шагали врозь,
 Это сейчас у каждого в сердце гвоздь.
 Вот и сиди прикидывай, что больней?
 Сколько бы ни было осени – все о ней.

Сколько бы ни было истины – вся в вине.
 Вечер рисует тыквенного Моне.
 Пробкой размахивая, кланяется бутылъ.
 Смотришь на дно, уговариваешь – остынь.

До нашей эры и после – не та, не тот.
 Что же внутри колоколит, глаголит, бьёт?
 Это прощается дерево день за днём
 С вырвавшимся гвоздём.

ЭТО ВСЁ ЕЩЁ РИМ

На балкон перевитый плющом
 Входит вечер. Под синим плащом
 Разгорается сердце заката.
 Это Рим. Это всё ещё Рим,
 Мы ещё о любви говорим,
 Но уже не светло – виновато.

Эти голуби, звёзды, птенцы,
 Эти камни из тёплой мацы –
 Отвернёшься – растают без звука.
 Что мне ад без тебя? Что мне рай?
 Сколько правильных книг ни читай –
 На последней странице – разлука.

Я не плачу, а небо – не в счёт,
 Разбегается твой самолёт,
 Расправляет затекшие плечи.
 Уберу паутинку с лица...
 Наша радость – без дна, без конца,
 Но платить – не по силам и нечем.

Это Рим, это всё ещё дом,
И балкон перевязан плющом
И ковёр на разбитых ступенях...
Я сижу у тебя на коленях,
Ты прижался к отчаянью лбом.

ЗА РЕКОЙ ЗА НЕБОМ

Вот низкое небо, а в небе – река,
В реке – опрокинутый лес.
Разлука безрука, разлука горька,
А выгонишь – холодно без.

То рюмка надежды, то капля вины,
(Вольнка, жалейка, гобой),
Продропшие ветки, озябшие сны,
Но там – за шершавой рекой,

За небом – где шёпот и шелест, и хмарь –
Так много и ласково нас,
Что ты открываешь меня, как букварь
В счастливый бесчисленный раз.

И буквы – как листья – летят и летят
На свет безмятежного «вдрут»,
И долгое счастье плетёт шелкопряда
Из наших горячих разлук.

КОГДА ЧЕЛОВЕК СМЕЁТСЯ

Очнёмся – темно и рано. Откроем на небе свет.
Поставим на стол стаканы, да силы на радость нет.
Когда человек... Непросто – решиться: теперь – пора.
Покатимся, как напёрстки, в шершавый пролом двора,
Из сумрачного «всё в прошлом» – в ошибку и кутерьму,
Где осень мешает ложкой распаренную хурму,
Где листья глотают ямы, где ветер летит в плаще,
Где дворник ещё не пьяный, а праздничный и вообще.

Когда человек смеётся... Ты знаешь, я даже рад,
Что всё холоднее солнце (зато беззаботней взгляд).
Из окон – то брань, то Шнитке, то юшка, то контрабас.
Оглянемся на пожитки, взлетим и ...помилуй нас!

ПОЭТ

Жизнь кладёт в тебя закладку, загибает уголок.
Чай вприкуску, сон впригляду, выше крыши потолок
Расписной. Твоё пространство ограничено весной,
Время – праздником и пьянством. Песня – кровью горловой.

Неба скомканная простынь. Проспиртованный закат.
Ты стоишь, травой исхлёстан от распятия до пят.
И летят святые звуки над синюшною водой.
Бог берёт тебя на руки и рыдает над тобой.

А вокруг пятном родимым соловеют Соловки.
И текут стихи на диво беззаботны и легки –
Из больничных коридоров, тёмных взглядов, жадных ртов
В безвоздушные просторы под названием любовь.